

Пушкин

Александр Сергеевич

1799 -1837

Классики
за 30 минут

Илья Валерьевич Мельников
Татьяна Беленькая
Пушкин за 30 минут
Серия «Классики за 30 минут»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23887343

Аннотация

Серия «Классики за 30 минут» позволит Вам в кратчайшее время ознакомиться с классиками русской литературы и прочитать небольшой отрывок из самого представленного произведения. В доступной форме авторы пересказали наиболее значимые произведения классических авторов, обозначили сюжетную линию, уделили внимание наиболее важным моментам и показали характеры героев так, что вы сами примите решение о дальнейшем прочтении данных произведений, что экономит вам время, либо вы погрузитесь полностью в мир данного автора, открыв для себя новые краски в русской классической литературе. Для широкого круга читателей.

Содержание

Жизненный и творческий путь Александра Сергеевича Пушкина (1799-1837)	4
Детство	4
Лицей	7
Руслан и Людмила (1820)	10
Отрывки из поэмы «Руслан и Людмила»	12
На Юге (1820-1824)	23
«Борис Годунов» (1825)	29
Отрывок из драмы «Борис Годунов»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Пушкин за 30 минут

Жизненный и творческий путь Александра Сергеевича Пушкина (1799-1837)

Детство

Александр Сергеевич Пушкин родился 6 июня 1799 года в Москве в дворянской помещичьей семье. В этот день во всех русских церквях били в колокола и проводили молебны в честь появления на свет внучки императора Павла, так что солнце русской поэзии взошло при всеобщем народном ликовании.

Пушкины – древний дворянский (но нетитулованный) род. Поэт проявлял большой интерес к истории своего рода, из его воспоминаний мы знаем о череде вспыльчивых, порой жестоких, с причудами характеров его предков. Самый знаменитый предок по линии матери – прадед Пушкина – африканец Абрам Петрович Ганнибал, «арапа Петра Великого», ставший слугой и воспитанником Петра I, а потом военным инженером и генералом. Мать и отец Пушкина приходились друг другу дальними родственниками. Так, бабушка поэта

по матери Мария Алексеевна Ганнибал была в девичестве Пушкиной! Она принадлежала другой ветви рода, чем отец поэта, однако родство было.

Интересно, что в роду Пушкина были поэты – отец, Сергей Львович Пушкин, скорее любитель, и дядя по отцу, Василий Львович, известный поэт из окружения Карамзина. Родные старшая сестра и младший брат Александра Пушкина – Ольга и Лев.

На формирование Александра оказали огромное влияние его родная бабушка по матери Мария Алексеевна, у которой он в детстве жил каждое лето в подмосковном селе Захарове (и в доме которой имел возможность слышать русскую речь), и знаменитая няня Арина Родионовна. Бабушка писала о Саше так: «Не знаю, что выйдет из моего старшего внука. Мальчик умен и охотник до книжек, а учится плохо, редко когда урок свой сдаст порядком; то его не расшевелишь, не прогонишь играть с детьми, то вдруг так развернется и расходится, что ничем его не уймешь: из одной крайности в другую бросается, нет у него середины».

Отец и мать Пушкина были приверженцами французского воспитания. Оба они были людьми современными, интересовались литературой; в их московской квартире постоянно собиралась богема: поэты, художники, музыканты. И, хотя влияние французских гувернеров уравнивали бабушка Мария и няня Арина Родионовна, свои первые в жизни стихи Саша написал по-французски. Его прозвище в Ли-

нее было «француз». С родителями, братом и сестрой Саша никогда не общался по-русски!

Лицей

До 12 лет Александр получал домашнее воспитание, затем продолжил учебу в недавно открытом учебном заведении – Царскосельском Лицее. Это заведение было элитным и по местоположению (Царское село под Петербургом, место летней резиденции русских царей), и по назначению (Лицей считался престижным высшим учебным заведением, готовившим воспитанников к высоким государственным постам), и по малому количеству учеников (30 человек) на солидный преподавательский состав.

Лицейстов воспитывали в духе гуманизма, уважения к личности, чести и дружбы. Телесные наказания отсутствовали. По воспоминаниям преподавателей, Александр не отличался прилежанием, спасали его лишь таланты. Вспыльчивый нрав создавал проблемы в общении. Однако Пушкин был предан лицейским друзьям всю свою жизнь. В Лицее юный Пушкин состоялся и как поэт: он принимал участие в выпусках рукописных журналов лицейской творческой молодежи. «Начал я писать с 13-летнего возраста и печатать почти с того же времени», – вспоминал Пушкин впоследствии.

В лицейский период написаны:

- стихотворение «Воспоминание в Царском Селе» (1815 г.);

- стихотворение «Безверие» (1817 г.).

Пушкин окончил Лицей в чине коллежского секретаря и, переехав в Петербург, поступил в коллегию иностранных дел. Завертелась бурная светская жизнь. Кроме того, молодой Пушкин состоит в двух литературных обществах: «Арзамас» и «Зеленая лампа».

После окончания Лицея написаны:

- стихотворения «Деревня», «Домовому», «К Чаадаеву»;
- ода «Вольность»;
- поэма «Руслан и Людмила» (1820 г.).

К Чаадаеву (предположительно 1818)

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Это стихотворение имеет около 70 вариантов, подлинник до нас не дошел, сохранились лишь копии. По этой причине некоторые исследователи подвергают авторство Пушкина сомнению. Считается, что стихотворение связано с речью Александра I на Польском сейме 15 марта 1818 г. (отсюда и предположительно год написания). Пушкин критически отнесся к либеральным обещаниям царя и не верил в мирное введение конституционного правления в России. Стихотворение адресовано другу Пушкина, философу Петру Яковлевичу Чаадаеву. О Чаадаеве известно, что он был участником Бородинского сражения, с 1816 г. служил офицером лейб-гвардии Гусарского полка в Царском Селе, был членом масонской ложи. С 1821 г. состоял в тайном обществе декабристов, но участия в его делах не принимал.

Руслан и Людмила (1820)

Эта поэма повествует о любви, отваге и мужестве, о предательстве и волшебстве. Разлученные возлюбленные – Руслан и Людмила после долгих испытаний вновь обретают друг друга. Поэма начинается с того, что после свадьбы, прямо с брачного ложа у молодого мужа князя Руслана украдена жена – Людмила. Похититель неизвестен; позже выясняется, что это коварный волшебник Черномор. На поиски красавицы устремляются Руслан и три его соперника – Рогдай, Ратмир и Фарлаф. Князь Владимир, отец Людмилы, обещал отдать спасителю свою дочь в жены (в наказание Руслану, который ее не уберег) и полцарства.

Разлученные Руслан и Людмила идут к воссоединению через испытания. Для Руслана это встреча с головой богатыря, битва с вероломным Рогдаем, который решил, убив соперника, освободить себе путь к сердцу красавицы, схватка с Черномором. Преодолевает Руслан и время, а его со дня разлуки прошло немало – осень, зима... Он преодолевает даже собственную... смерть от руки Фарлафа, наученного колдуньей Наиной! Воскрешенный волшебником-финном, Руслан дает бой печенегам. Последнее препятствие, разделяющее его с любимой, – волшебный сон – Руслан преодолевает с легкостью.

Людмилу также ждут испытания: заточение в замке ста-

рого Черномора, его притязания, от которых она спаслась, завладев шапкой-невидимкой, волшебный сон.

Преодолеть все препятствия на пути к счастью героям помогают волшебные герои и волшебные предметы: старец финн (волшебник), меч, способный убить Черномора, живая и мертвая вода, кольцо, шапка-невидимка.

Юный Пушкин начал работать над поэмой «Руслан и Людмила» в Лицее. Согласно программным установкам литературного общества «Арзамас» русская литература должна была создать национальную богатырскую поэму. После публикации поэмы в мае 1820 года разгорелись споры по поводу языка «Руслана и Людмилы». Хранящий следы французских приемов стихосложения (как известно, первые стихотворные опыты Пушкина были именно на французском, который он знал превосходно), язык поэмы содержит и просторечия, и фольклорные обороты, что вызвало критику – юный талантливый поэт снижал высокий канон жанра поэмы!

Отрывки из поэмы «Руслан и Людмила»

Посвящение

Для вас, души моей царицы,
Красавицы, для вас одних
Времен минувших небылицы,
В часы досугов золотых,
Под шепот старины болтливой,
Рукою верной я писал;
Примите ж вы мой труд игривый!
Ничьих не требуя похвал,
Счастлив уж я надеждой сладкой,
Что дева с трепетом любви
Посмотрит, может быть украдкой,
На песни грешные мои.

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом;
Идет направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,

Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русской дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.
Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету...

Песнь первая. Рассказ старца
Руслан на мягкий мох ложится
Пред умирающим огнем;
Он ищет позабыться сном,
Вздыхает, медленно вертится...
Напрасно! Витязь наконец:
«Не спится что-то, мой отец!
Что делать: болен я душою,
И сон не в сон, как тошно жить.
Позволь мне сердце освежить
Твоей беседою святою.
Прости мне дерзостный вопрос.
Откройся: кто ты, благодатный,
Судьбы наперсник непонятный?
В пустыню кто тебя занес?»

Вздохнув с улыбкою печальной,
Старик в ответ: «Любезный сын,
Уж я забыл отчизны дальней
Угрюмый край. Природный финн,
В долинах, нам одним известных,
Гоняя стадо сел окрестных,
В беспечной юности я знал
Одни дремучие дубравы,
Ручьи, пещеры наших скал
Да дикой бедности забавы.
Но жить в отрадной тишине
Дано не долго было мне.

Тогда близ нашего селенья,
Как милый цвет уединенья,
Жила Наина. Меж подруг
Она гремела красотою.
Однажды утренней порою
Свои стада на темный луг
Я гнал, волынку надувая;
Передо мной шумел поток.

18

Одна, красавица младая
На берегу плела венки.
Меня влекла моя судьбина...
Ах, витязь, то была Наина!
Я к ней – и пламень роковой
За дерзкий взор мне был наградой,
И я любовь узнал душой
С ее небесною отрадой,
С ее мучительной тоской.

Умчалась года половина;
Я с трепетом открылся ей,
Сказал: люблю тебя, Наина.
Но робкой горести моей
Наина с гордостью внимала,
Лишь прелести свои любя,
И равнодушно отвечала:
«Пастух, я не люблю тебя!»

И всё мне дико, мрачно стало:
Родная куща, тень дубров,
Веселы игры пастухов –
Ничто тоски не утешало.
В уныньи сердце сохло, вяло.
И наконец задумал я
Оставить финские поля;
Морей неверные пучины
С дружиной братской переплыть
И бранной славой заслужить
Вниманье гордое Наины.
Я вызвал смелых рыбаков
Искать опасностей и злата.
Впервые тихий край отцов
Услышал бранный звук булата
И шум немирных челноков.
Я вдаль уплыл, надежды полный,
С толпой бесстрашных земляков;
Мы десять лет снега и волны
Багрили кровию врагов.
Молва неслась: цари чужбины
Страшились дерзости моей;

19

Их горделивые дружины
Бежали северных мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Делили дани и дары,
И с побежденными садились

За дружелюбные пиры.
Но сердце, полное Наиной,
Под шумом битвы и пиров,
Томилось тайною кручиной,
Искало финских берегов.
Пора домой, сказал я, други!
Повесим праздные кольчуги
Под сенью хижины родной.
Сказал – и весла зашумели;
И, страх оставя за собой,
В залив отчизны дорогой
Мы с гордой радостью влетели.

Сбылись давнишние мечты,
Сбылися пылкие желанья!
Минута сладкого свиданья,
И для меня блеснула ты!
К ногам красавицы надменной
Принес я меч окровавленный,
Кораллы, злато и жемчуг;
Пред нею, страстью упоенный,
Безмолвным роем окруженный
Ее завистливых подруг,
Стоял я пленником послушным;
Но дева скрылась от меня,
Примолвя с видом равнодушным:
«Герой, я не люблю тебя!»

К чему рассказывать, мой сын,

Чего пересказать нет силы?

Ах, и теперь один, один,
Душой уснув, в дверях могилы,
Я помню горесть, и порой,
Как о минувшем мысль родится,
По бороде моей седой
Слеза тяжелая катится.

Но слушай: в родине моей
Между пустынных рыбаей
Наука дивная таится.
Под кровом вечной тишины,
Среди лесов, в глуши далекой
Живут седые колдуны;
К предметам мудрости высокой
Все мысли их устремлены;
Все слышит голос их ужасный,
Что было и что будет вновь,
И грозной воле их подвластны
И гроб и самая любовь.

И я, любви искатель жадный,
Решился в грусти безотрадной
Наину чарами привлечь
И в гордом сердце девы хладной
Любовь волшебствами зажечь.
Спешил в объятия свободы,
В уединенный мрак лесов;
И там, в ученье колдунов,

Провел невидимые годы.
Настал давно желанный миг,
И тайну страшную природы
Я светлой мыслию постиг:
Узнал я силу заклинаньям.
Венец любви, венец желаньям!
Теперь, Наина, ты моя!
Победа наша, думал я.
Но в самом деле победитель
Был рок, упорный мой гонитель.

В мечтах надежды молодой,
В восторге пылкого желанья,
Творю поспешно заклинанья,
Зову духов – и в тьме лесной
Стрела промчалась громовая,
Волшебный вихорь поднял вой,
Земля вздрогнула под ногой...
И вдруг сидит передо мной
Старушка дряхлая, седая,
Глазами впалыми сверкая,
С горбом, с трясучей головой,
Печальной ветхости картина.
Ах, витязь, то была Наина!..
Я ужаснулся и молчал,
Глазами страшный призрак мерил,
В сомненье всё еще не верил
И вдруг заплакал, закричал:
«Возможно ль! ах, Наина, ты ли!

Наина, где твоя краса?
Скажи, ужели небеса
Тебя так страшно изменили?
Скажи, давно ль, оставя свет,
Расстался я с душой и с милой?
Давно ли?..» «Ровно сорок лет, –
Был девы роковой ответ, –
Сегодня семьдесят мне било.
Что делать, – мне пищит она, –
Толпою годы пролетели.
Прошла моя, твоя весна –
Мы оба постареть успели.
Но, друг, послушай: не беда
Неверной младости утрата.
Конечно, я теперь седа,
Немножко, может быть, горбата;
Не то, что в старину была,
Не так жива, не так мила;
Зато (прибавила болтунья)
Открою тайну: я колдунья!»

И было в самом деле так.
Немой, недвижимый перед нею,
Я совершенный был дурак
Со всей премудростью моею.

Но вот ужасно: колдовство
Вполне свершилось по несчастью.
Мое седое божество

Ко мне пылало новой страстью.
Скривив улыбкой страшный рот,
Могильным голосом урод
Бормочет мне любви признание.
Вообрази мое страданье!
Я трепетал, потупя взор;
Она сквозь кашель продолжала
Тяжелый, страстный разговор:
«Так, сердце я теперь узнала;
Я вижу, верный друг, оно
Для нежной страсти рождено;
Проснулись чувства, я сгораю,
Томлюсь желаньями любви...
Приди в объятия мои...
О милый, милый! умираю...»

И между тем она, Руслан,
Мигала томными глазами;
И между тем за мой кафтан
Держалась тощими руками;
И между тем – я обмирал,
От ужаса зажмуря очи;
И вдруг терпеть не стало мочи;
Я с криком вырвался, бежал.
Она вослед: «О, недостойный!
Ты возмутил мой век спокойный,
Невинной девы ясны дни!
Добился ты любви Наины,
И презираешь – вот мужчины!

Изменой дышат все они!
Увы, сама себя вини;
Он обольстил меня, несчастный!
Я отдалась любви страстной...
Изменник, изверг! о позор!
Но трепещи, девичий вор!»

Так мы расстались. С этих пор
Живу в моем уединенье
С разочарованной душой;
И в мире старцу утешенье
Природа, мудрость и покой.
Уже зовет меня могила;
Но чувства прежние свои
Еще старушка не забыла

И пламя позднее любви
С досады в злобу превратила.
Душою черной зло любя,
Колдунья старая, конечно,
Возненавидит и тебя;
Но горе на земле не вечно».

На Юге (1820-1824)

Юный Пушкин никогда не боялся проявлять свою гражданскую позицию, за что частенько страдал. Гордо подняв голову после победы над Наполеоном, русское национальное самосознание было наполнено идеями гражданской свободы и политического радикализма. Стихи Пушкина были пронизаны этими настроениями. «Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодежь наизусть их читает» – таково было решение царя Александра I. Благо, у Пушкина было много друзей, которые приняли участие в его судьбе, и в итоге вместо Сибири Пушкина сослали на юг. Официально это был перевод по службе в г. Екатеринославль под начало генерала И.Н. Инзова.

Служебным рвением Пушкин не отличался. С первых дней в Екатеринославле он заскучал, а кроме того – простудился, искупавшись в Днепре. Для излечения и увеселения друзья (семья Раевских) взяли его в путешествие на Кавказские воды.

Почти все лето 1820 г. Пушкин прожил на Кавказе, где начал поэму «Кавказский пленник». Далее с семьей Раевских через Тамань, Керчь, Феодосию Пушкин прибыл морем в Гурзуф и провел там три недели: «В Юрзуфе жил я сиднем, купался в море и обедался виноградом...» (из письма Дельвигу).

Вскоре через Георгиевский монастырь и Бахчисарай Пушкин отправился в Симферополь и далее в Кишинев, ибо туда переехала канцелярия Инзова. Начальник Пушкина, генерал Инзов, относился к нему с отеческой теплотой и не занимал его поручениями. Стиль его «воспитания» был таков: за проступки поэта он сажал того под арест, а потом являлся с бутылкой вина для отеческого увещевания. Живя на квартире у того же Инзова, поэт выезжал оттуда в Киев, с. Каменку, в Одессу, Аккерман, Бендеры, Измаил.

Южные поэмы Пушкина:

- «Кавказский пленник» (1820-1821);
- «Братья – разбойники» (1822);
- «Бахчисарайский фонтан» (1821-1823);
- «Цыганы» (1824).

В Кишиневе же была написана поэма «Гаврилиада», а также начат роман в стихах «Евгений Онегин».

В селе Каменка Пушкин сблизился с членами тайного общества, будущими «декабристами». В Кишиневе был принят в масонскую ложу «Овидий».

В июле 1823 г. Пушкин переехал в Одессу, так как был переведен по службе к наместнику Новороссийского края графу М.С. Воронцову. Пестрое общество и развлечения Одес-

сы очень нравились Пушкину. А вот служебные отношения с Воронцовым складывались плохо, взаимопонимания не было. Воронцов знал, что талантливый поэт послан на юг, удалён из столицы не в наказание, а с «воспитательной» целью. Слишком уж неосмотрительно он вел себя, непочтительно по отношению к властям. Для Воронцова поэт, знавший себе цену и ставящий себя очень высоко, также был возмутителем устоев и нарушителем приличий, хотя Воронцов относился к Пушкину предельно вежливо. В отчетах Воронцов несколько раз высказал мнение, что не видит смысла пребывания Пушкина в Одессе, и сложилось так, что Пушкин вновь был переведен, на сей раз в имение его матери село Михайловское Псковской губернии.

Здесь поэт вновь оказался под надзором властей, да еще и на поруках родителей. Он почувствовал себя связанным по рукам и ногам и даже просил заменить ему псковскую ссылку тьрьмой... но вскоре успокоился, вняв словам друзей. Он осознал и выгоды своего «заклочения» вдали от светских развлечений: здесь условия позволили ему закончить роман «Евгений Онегин». Пушкин наблюдал за помещичьей жизнью своих друзей и соседей из села Тригорского, эти впечатления отразились в романе, который считается энциклопедией тогдашней русской жизни.

В псковский период своей жизни Пушкин вновь, как и в детстве, общается с крестьянами, своей няней Ариной Родионовной, наслаждается картинами русской природы, возвра-

щаясь к своим корням.

По признанию самого поэта, в Михайловском изменился его творческий метод. От романтизма первых лет молодости он перешел к «романтизму истинному» (реализм).

В Михайловском созданы:

- деревенские главы романа «Евгений Онегин»;
- трагедия «Борис Годунов»;
- поэма «Граф Нулин»;
- окончание поэмы «Цыганы»;
- стихотворения: «Деревня», «Подражания Корану», «Пророк», «Вакхическая песня», «Я помню чудное мгновение...», «Вновь я посетил...» и др.

В Михайловском, где жили его предки, Пушкину хорошо творилось. Казалось, родная земля подпитывала его.

Вскоре умер царь Александр I, и в судьбе Пушкина наступили большие перемены. Новый царь Николай I вызвал срочно поэта в Москву, разрешил жить, где он захочет, и взял на себя лично цензуру его произведений. Жесткая цензура увеличивала сроки издания его сочинений, что немало заботило Пушкина, так как гонорары были единственным источником его дохода.

Пушкин по-прежнему лишен свободы передвижения: ему отказано в поездке на Кавказ (в действующую армию), в поездке за границу. До 1831 г. он живет то в Москве, то в Пе-

тербурге.

Зимний вечер (1825)

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;

Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя: где же кружка?
Сердцу будет веселей.

«Борис Годунов» (1825)

20 февраля 1598 г. Уже месяц, как Борис Годунов затворился вместе со своей сестрой в монастыре, уйдя от мирских дел и отказываясь принять московский престол. Народ объясняет отказ Годунова так, как выгодно ему: «Его страшит сияние престола». Игру Годунова прекрасно понимает «лукавый царедворец» боярин Шуйский, угадывая дальнейшее развитие событий:

Народ ещё повоет да поплачет,
Борис ещё поморщится немного, <...>
И наконец по милости своей
Принять венец смиренно согласится...

Иначе «понапрасну лилася кровь царевича-младенца», в смерти которого Шуйский напрямую обвиняет Бориса.

События развиваются так, как предсказывал Шуйский. Народ с плачем умоляет Бориса стать царём. Борис колеблется, затем, прерывая своё монастырское затворничество, принимает «власть Великую со страхом и смиреньем».

Ночь, келья Чудова монастыря, 4 года спустя. Отец Пимен готовится завершить летопись: «Еще одно, последнее сказанье – и летопись окончена моя». Просыпается молодой

инок Григорий, спавший рядом, и жалуется на скуку монашеской жизни, завидуя весёлой «младости» Пимена:

Ты рать Литвы при Шуйском отражал,
Ты видел двор и роскошь Иоанна!
Счастлив!

Пимен возражает иноку: лишь с той поры он ведаёт блаженство, как Господь привел его в монастырь; успокоение в монашеских трудах искали цари Иоанн и Феодор. Григорий спрашивает Пимена о смерти Димитрия-царевича, ровесника молодого инок, – Пимен был свидетелем этого «злого дела», «кровавого греха». Еще горестнее то, что царевич избран на престол. Сейчас царевичу было бы 20 лет, и он правил бы. Этой печальной повестью он и собирается завершить свою летопись и передать дальнейшее её ведение Григорию.

Григорий бежит из монастыря, объявив, что будет «царём на Москве». Об этом докладывает игумен Чудова монастыря патриарху. Патриарх отдаёт приказ поймать беглеца и навечно сослать его в Соловецкий монастырь на вечное поселение.

Царские палаты. Входит царь Борис. Его гнетут тревожные думы. Шестой год он царствует, но ни власть, ни жизнь ему не в радость, мучит совесть: «Да, жалок тот, в ком совесть нечиста».

Корчма на литовской границе. Переодетый в обычное платье Григорий Отрепьев ужинает с бродягами Мисаилом и Варламом. Он расспрашивает у хозяйки дорогу на Литву. Входят приставы, у них царский указ с приметами Отрепьева, которого велено изловить и поместить под стражу. Григорий вызывается прочесть указ и, читая его, подменяет свои приметы приметами Мисаила (за 50 лет, большой живот, лысина). Когда обман раскрывается, он, угрожая ножом, сбегает от приставов.

Царские палаты. Борис узнает от Шуйского о самозванце, который выдает себя за Димитрия, а живет в Кракове при дворе, и «король и паны за него». Взволнованный Годунов расспрашивает Шуйского, исследовавшего это дело в Угличе тринадцать лет назад. Успокаивая Бориса, Шуйский подтверждает, что видел убитого царевича, но также упоминает и о нетленности его тела – он посещал труп царевича в соборе три дня, и мертвец выглядел спящим, лик его был ясен и свеж.

Краков. В доме Вишневецкого Григорий (Самозванец) сулит своим будущим сторонникам то, что каждому нужно.

В замке воеводы Мнишка беглый монах влюбляется в дочь воеводы, прекрасную Марину. Он признается ей во всем, так как не желает «делиться с мертвецом любовни-

цей». Но Марина не нуждается в любви беглого монаха, все её помыслы направлены к московскому трону. Оценив «дерзостный обман» Самозванца, она резкими словами растревляет в нем чувство собственного достоинства, и он даёт ей гордую отповедь, называя себя Димитрием.

16 октября 1604 г. Самозванец с полками у литовской границы. Он понимает, что зарвался в жажде мщенья, и теперь на родную землю под его предводительством идут враги. Он успокаивает совесть: «Но пусть мой грех падёт не на меня – А на тебя, Борис-цареубийца!»

На заседании царской думы речь идёт о том, что Самозванец уже осадил Чернигов, а самое страшное, что слух о Самозванце вызвал «тревогу и сомненье», «на площадях мятежный бродит шёпот». Шуйский вызывается самолично успокоить народ, раскрыв «злой обман бродяги».

21 декабря 1604 г. войско Самозванца одерживает победу над русским войском под Новгород-Северским.

Площадь перед собором в Москве. В соборе только что закончилась обедня, где была провозглашена анафема Григорию, а теперь поют «вечную память» царевичу Димитрию. На площади толпится народ, у собора сидит юродивый Николка. Мальчишки его дразнят и отбирают копеечку. Из собора выходит царь, и Николка жалуется ему: «Николку маленькие дети обижают <...> Вели их зарезать, как зарезал ты

маленького царевича». А потом, в ответ на просьбу царя молиться за него, бросает ему вслед: «Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода – Богородица не велит».

Войско Лжедмитрия начисто разбито у Севска, но он вновь собрал силу и угрожает уже с другой стороны. Борис хочет поставить воеводой Басманова. Однако внезапно его поражает недуг: «На троне он сидел и вдруг упал – / Кровь хлынула из уст и из ушей».

Умиравший Борис просит его оставить наедине с царевичем. Горячо любя сына и благословляя его на царствование, Борис стремится всю полноту ответственности за содеянное взять на себя: «Ты царствовать теперь по праву станешь. Я, я за все один отвечу Богу...»

После напутствия царя сыну входят патриарх, бояре, царица с царевной. Умиравший Годунов берет крестную клятву с Басманова и бояр служить Феодору «усердием и правдой».

Ставка. Басманов, высоко вознесённый Феодором (он «начальствует над войском»), беседует с Гаврилой Пушкиным. Тот предлагает Басманову от имени Дмитрия «дружбу» и «первый сан в Московском царстве», если воевода провозгласит Дмитрия царём. Басманов колеблется.

Москва. Пушкин на Лобном месте обращается к «московским гражданам» от царевича Дмитрия с призывом поко-

ряться «законному владыке». После него на амвон поднимается мужик, бросая в толпу клич: «Народ, народ! в Кремль! в царские палаты! / Ступай! вязать Борисова щенка!» Толпа несется с криками: «Да гибнет род Бориса Годунова!»

Кремль. Дом Бориса взят под стражу. У окна дети Бориса – Феодор и Ксения. Толпа, которая собралась под окнами, жалеет детей царя: «бедные дети, что пташки в клетке», «отец был злодей, а детки невинны». Тем сильнее нравственное потрясение людей, когда после шума, драки, женского визга в доме на крыльце появляется боярин Мосальский с сообщением: «Народ! Мария Годунова и сын её Феодор отравили себя ядом. Мы видели их мёртвые трупы. (Народ в ужасе молчит.) Что ж вы молчите? кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович! Народ безмолвствует».

Отрывок из драмы «Борис Годунов»

НОЧЬ. САД. ФОНТАН

Самозванец

(входит)

Вот и фонтан; она сюда придет.
Я, кажется, рожден не боязливым;
Перед собой вблизи видал я смерть,
Пред смертью душа не содрогалась.
Мне вечная неволя угрожала,
За мной гнались – я духом не смутился
И дерзостью неволи избежал.
Но что ж теперь теснит мое дыханье?
Что значит сей неодолимый трепет?
Иль это дрожь желаний напряженных?
Нет – это страх. День целый ожидал
Я тайного свидания с Мариной,
Обдумывал все то, что ей скажу,
Как обольщу ее надменный ум,

Как назову московскою царицей, –
Но час настал – и ничего не помню.
Не нахожу затверженных речей;
Любовь мутит мое воображение...
Но что-то вдруг мелькнуло... шорох... тише...
Нет, это свет обманчивой луны,
И прошумел здесь ветерок.

Марина
(входит)

Царевич!

Самозванец

Она!.. Вся кровь во мне остановилась.

Марина

Димитрий! Вы?

Самозванец

Волшебный, сладкий голос!

(Идет к ней.)

Ты ль наконец? Тебя ли вижу я,

Одну со мной, под сенью тихой ночи?
Как медленно катился скучный день!
Как медленно заря вечерня гасла!
Как долго ждал во мраке я ночном!

Марина

Часы бегут, и дорого мне время –
Я здесь тебе назначила свиданье
Не для того, чтоб слушать нежны речи
Любовника. Слова не нужны. Верю,
Что любишь ты; но слушай: я решилась
С твоей судьбой и бурной и неверной
Соединить судьбу мою; то вправе
Я требовать, Димитрий, одного:
Я требую, чтоб ты души своей
Мне тайные открыл теперь надежды,
Намеренья и даже опасенья;
Чтоб об руку с тобой могла я смело
Пуститься в жизнь – не с детской слепотой,
Не как раба желаний легких мужа,
Наложница безмолвная твоя,
Но как тебя достойная супруга,
Помощница московского царя.

Самозванец

О, дай забыть хоть на единый час
Моей судьбы заботы и тревоги!

Забудь сама, что видишь пред собой

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.